

ОЧЕРКИ и РЪЧИ

В. Ключевского.

С. М. Соловьевъ.—Рѣчи о Пушкинѣ.—
Рѣчь на актъ М. Д. А.—Грусть.—Доб-
рые люди древней Руси.—И. Н. Лоб-
тинъ.—Шрен. Сергій Радонежскій.—
Два воспоминанія.—Воспоминаніе о
Н. И. Новиковѣ и его времени.—Недо-
росль Фонвизина.—Императрица Ека-
терина II.—Западное влияние и цер-
ковный расколъ въ Россіи XVII в.—
Петръ Великій среди своихъ сотруд-
никовъ.

1934 г.

1949 г.

ОЧЕРКИ

и

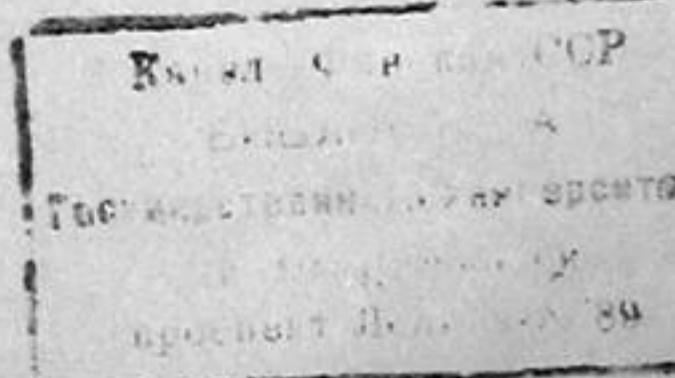
РЪЧИ

ВТОРОЙ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

В. Ключевского.

Всю авторскую права удерживаются.

Издание «Очерковъ и Рѣчей» было задумано самимъ авторомъ. Подъ этимъ заглавиемъ собирался онъ объединить второй, такъ сказать, публицистический циклъ печатныхъ статей своихъ, изъ которыхъ иные были произнесены какъ рѣчи. Имѣвъ обыкновеніе пересматривать свои работы въ печатномъ видѣ, авторъ не оставилъ и нынѣ печатаемыхъ статей безъ нѣкоторыхъ измѣнений и дополнительныхъ вставокъ, которые всюду и введены въ настоящее изданіе.

Критическія изслѣдованія В. О. Ключевскаго, составляющія третій циклъ его статей, войдутъ въ особый сборникъ, который въ настоящее время готовится къ печати. Въ сборникъ этомъ, какъ заключительномъ, предполагается напечатать въ качествѣ приложенийъ работы, оставшіяся незаконченными, и другія извлеченія изъ рукописей покойного автора, примыкающія по содержанію къ тому или другому циклу его статей.

Сергѣй Михайлович Соловьевъ.

(† 4 октября 1879 г.).

С. М. Соловьевъ родился 5 мая 1820 г. въ Москвѣ. Отецъ его, протоіерей Михаилъ Васильевичъ, былъ законоучителемъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ. Первоначальное образованіе С. М. получилъ дома и только уже на 14-мъ году поступилъ въ 1-ю Московскую гимназію, прямо въ третій классъ. Окончивъ гимназический курсъ въ 1838 г. съ отличнымъ успѣхомъ (имя его осталось на золотой доскѣ 1-й гимназіи), онъ перешелъ въ Московскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета, какъ тогда назывался историко-филологическій факультетъ. Изъ гимназіи онъ вынесъ основательное знаніе древнихъ классическихъ языковъ и имъ посвященъ былъ первый литературный опытъ, явившійся въ печати съ именемъ Соловьева: это была произнесенная имъ на гимназическомъ актѣ при выпускѣ рѣчь «О значеніи древнихъ классическихъ языковъ при изученіи языка отечественнаго». Изученіе древнихъ языковъ продолжалось и въ университетѣ, гдѣ въ то время сильно дѣйствовалъ на умы слушателей своими блестящими и полными новизны лекціями о древней истории профессоръ римской словесности Д. Л. Крюковъ. По разсказу самого Соловьева, Крюковъ даже предлагалъ ему специальнно готовиться подъ его руководствомъ къ занятію каѳедры рим-

ской словесности. Но Соловьевъ уже рѣшилъ выборъ ученої специальности, посвятивъ себѣ изученію исторіи, преимущественно отечественной. Въ это же время, когда Соловьевъ былъ на второмъ курсѣ (1839 г.), началъ свою столь памятную въ исторіи Московскаго университета ученую дѣятельность только-что вернувшійся изъ-за границы преподаватель всеобщей исторіи Т. Н. Грановскій. Вмѣстѣ со многими товарищами Соловьевъ подчинился обаятельному дѣйствію сильнаго таланта; впослѣдствіи историческія занятія сблизили его съ Грановскимъ, Соловьевъ сталъ потомъ его ближайшимъ товарищемъ и до конца его жизни остался связанъ съ нимъ самой тѣсной дружбой.

Въ студенческіе годы Соловьева русскую исторію преподавалъ въ Московскому университету извѣстный М. П. Погодинъ. Тогда уже близилась къ концу его профессорская дѣятельность, прекратившаяся неожиданно для него самого въ 1844 г., когда онъ по нѣкоторымъ причинамъ покинулъ службу въ университете въ надеждѣ вернуться туда года черезъ два, — и уже не возвращался. Погодинъ замѣтилъ даровитаго студента, прилежно и съ успѣхомъ занимавшагося изученіемъ отечественной исторіи. Задумавъ оставить университетъ на время, Погодинъ, года за два до своей отставки предувѣдомляя совсѣмъ обѣ этомъ намѣреніи, указалъ ему въ числѣ другихъ кандидатовъ для замѣщенія своей каѳедры (гг. Григорьева и Бычкова) и на студента Соловьева, бывшаго тогда на послѣднемъ курсѣ.

Тотчасъ по окончаніи университетскаго курса новому кандидату 1-го отдѣленія философскаго факультета представился случай побывать за границей и тамъ довершить свое историческое образованіе. Онъ отправился туда съ семействомъ гр. А. Г. Строганова, которому рекомендовалъ молодого кандидата тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгановъ. Соловьевъ пробылъ за границей два года (1842—1844 г.). Проѣздомъ онъ посѣщалъ Берлинскій университетъ, бывалъ между прочимъ въ ауди-

торіи Неандера; въ Прагѣ познакомился и много бѣдоваль
объ исторіи славянства и Россіи съ Шафарикомъ и дру-
гими чешскими учеными. Но главнымъ мѣстомъ его загранич-
ныхъ занятій былъ Парижъ. Здѣсь онъ много читалъ и
много слушалъ, посѣщая усердно лекціи Ампера, Кинэ,
Ленормана, Мишле, Рауль-Рошетта, Ж. Симона, Ф. Шаля,
также Фр. Араго и Мицкевича. Къ изученію исторіи Россіи
онъ старался подготовить себя основательнымъ знаком-
ствомъ съ исторіей всеобщей, особенно съ тѣми ея явле-
ніями, которые имѣютъ прямую или косвенную связь съ
фактами нашего прошедшаго. Впрочемъ и на чужой сторонѣ
не прекращались занятія отечественной исторіей: въ Па-
рижѣ Соловьевъ если не написалъ, то обдумалъ и подгото-
вилъ свою магистерскую диссертацио, которую представилъ
факультету вскорѣ по возвращеніи въ Москву, въ началѣ
1845 г., выдержавъ передъ тѣмъ экзаменъ на степень ма-
гистра русской исторіи.

Возвратившись изъ-за границы, Соловьевъ чрезвычайно
быстро прошелъ рядъ испытаній, обязательныхъ для уче-
наго, ищащаго профессуры, хотя эти испытанія въ то
время были несравненно сложнѣе и труднѣе, чѣмъ стали
теперь: такъ публичной защитѣ диссертациі въ то время
предшествовалъ диспутъ въ закрытомъ засѣданіи факуль-
тета, чѣмъ приобрѣталось право и на словесный экзаменъ
и на публичную защиту диссертациі. Выдержавъ маги-
стерскій экзаменъ въ началѣ 1845 г., онъ дважды напечата-
тель и въ октябрѣ того же года защитилъ магистерскую
диссертацио: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ
великимъ князьямъ». Черезъ годъ факультету была
уже представлена имъ докторская диссертацио: «Исторія
отношеній между русскими князьями Рюри-
кова дома» — объемистая книга въ 700 страницъ. Такая
скорость тѣмъ удивительнѣе, что она не отразилась замѣтно
на качествѣ ученой работы и что въ то время, какъ пи-
салась эта книга, автору ея пришлось работать надъ дру-

гимъ дѣломъ, самымъ труднымъ въ ученой жизни профессора, — читать свой первый курсъ въ университетѣ: въ іюлѣ 1845 г., по предложенію попечителя, онъ былъ избранъ въ преподаватели русской исторіи въ Московскомъ университѣтѣ, а послѣ защиты магистерской диссертациіи утвержденъ былъ на каѳедрѣ русской исторіи, впрочемъ только въ званіи исправляющаго должность адъюнкта, хотя уже имѣлъ степень магистра. Определеніе совѣта Московскаго университета, дозволявшее печатать представленную Соловьевымъ на степень доктора диссертацио, состоялось 18 декабря 1846 г., въ іюнѣ слѣдующаго года диссертациія была защищена, а въ промежуткѣ 27-лѣтній магистръ русской исторіи успѣлъ сдать экзаменъ на степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, — экзаменъ, на которомъ ему предложено было 11 вопросовъ изъ этихъ наукъ, а также изъ древней и новой географіи. Въ три года со времени возвращенія изъ-за границы — два экзамена и двѣ диссертациіи съ четырьмя диспутами, не считая первого курса русской исторіи, читанного студентамъ въ 1845—1846 академическомъ году, не считая и ряда статей, написанныхъ въ то же время: русскіе ученые рѣдко поднимались по лѣстницѣ ученыхъ степеней такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ. Уже въ тѣ годы Соловьевъ въ совершенствѣ обладалъ тѣмъ умѣньемъ беречь время, которое дало ему возможность сдѣлать такъ много впослѣдствіи.

Обѣ диссертациіи создали автору громкую извѣстность не только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, но и во всемъ читающемъ обществѣ. Первое его изслѣдованіе, выпущенное въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, разошлось такъ быстро и такъ настойчиво спрашивалось публикой, что въ 1846 г. авторъ принужденъ былъ съ нѣкоторыми пополненіями перепечатать его въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1846 г. № 1, I, стр. 1—162). По свидѣтельству одного тогдашняго

московского литератора — наблюдателя, первую диссертацию Соловьева «всѣ литературныя партіи встрѣтили самымъ рѣшительнымъ одобреніемъ безъ различія мнѣній» *). Вторую диссертацию встрѣтили съ такимъ же, если не съ большимъ сочувствіемъ, которое сказалось и на диспутѣ (9 іюня 1847 г.) и въ печати. «Диспутъ блестящій!» — такъ началъ упомянутый наблюдатель свой отчетъ о немъ: «не смотря на лѣтнее время, продолжаетъ онъ, когда Москва пустѣеть, большая университетская аудиторія была полна; кромѣ профессоровъ и студентовъ было много лицъ стороннихъ; нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы не задумались для ученаго торжества пріѣхать съ дачъ; публика живо заинтересовалась и слѣдила съ участіемъ за діалектикой и доводами говорившихъ», а говорили, возражая Соловьеву, Грановскій, Бодянскій, Кавелинъ и студентъ Клевановъ. Не задолго до диспута ученый изъ другого литературного лагеря, враждебнаго тому, къ которому примкнулъ Соловьевъ, известный И. Д. Бѣляевъ въ «Моск. Городск. Листкѣ» (№ 102 и 103) помѣстилъ о его книгѣ небольшую, но бойкую статейку, подобная которой ему рѣдко удавалось писать потомъ: здѣсь рецензентъ называлъ трудъ Соловьева «книгой, по своему превосходному содержанію существующей быть настолькою у каждого занимающагося русскою исторіей», — книгой, которую «можно прочесть съ удовольствиемъ десять разъ и больше»; строгая логическая послѣдовательность въ выводахъ, по признанію критика, царить надъ всѣмъ сочиненіемъ; выводы и факты являются въ книгѣ чѣмъ-то неразрывнымъ, роднымъ другъ другу; иногда даже дивишься, прибавляетъ Бѣляевъ, отчего прежніе историки не замѣчали того, что такъ естественно и просто открылъ Соловьевъ.

Успѣхъ обѣихъ диссертаций, не устарѣвшихъ и доселѣ, объясняется не однимъ талантомъ автора, но и его серіозной

*) Москвск. Городск. Листокъ 1847 г., № 130 (стр. 521).

подготовкой: въ этихъ первыхъ ученыхъ опытахъ своихъ начинавшій историкъ выступилъ уже съ обдуманными историческими понятіями, съ опредѣленнымъ взглядомъ на задачи и пріемы исторического изученія. Этотъ взглядъ опредѣлился съ помощью раннаго и близкаго знакомства Соловьевъ съ современнымъ состояніемъ исторической науки на Западѣ; знакомство это началось еще на студенческой скамьѣ въ Москвѣ и потомъ ему преимущественно посвящены были двухлѣтнія заграничныя занятія. Въ «Москвитянинѣ» 1843 г. напечатана была чрезвычайно живая, съ юношескимъ одушевленіемъ написанная статья о Парижскомъ университѣтѣ, подъ которой стоитъ помѣтка: «Прага Чешская, 23 іюня 1843 г.» Съ большимъ увлеченіемъ, которое сообщается и читателю, передаетъ здѣсь московскій слушатель французскихъ профессоровъ впечатлѣнія, накопившіяся въ немъ въ продолженіе академического года, когда онъ усердно посѣщалъ Сорбонну. Это рядъ мѣткихъ характеристикъ преподавателей, которыхъ онъ слушалъ въ Парижѣ, съ остроумными замѣчаніями о характерѣ и манерахъ французского университетскаго преподаванія. Мишле, напримѣръ, выступаетъ въ статьѣ какъ на картинѣ, двумя-трema выдержками изъ его лекцій очерченѣ во весь ростъ съ его отвращеніемъ къ системѣ, съ внѣшней безпорядочностью и болтливостью изложенія и съ блестящей, ловко-заостренной и иногда очень мѣткой отдѣльной фразой. Но Соловьевъ не увлекался восторженной импровизацией французскихъ профессоровъ; отдавая должное внѣшнимъ качествамъ ихъ преподаванія, онъ хорошо видѣтъ его внутренніе недостатки, превращающіе университетскую лекцію въ публичную ораторскую рѣчь. Очевидно, не подъ влияніемъ этихъ болѣе ораторскихъ, чѣмъ ученыхъ чтеній складывался взглядъ Соловьева на задачи и пріемы научнаго исторического изслѣдованія. Притомъ курсы, слушанные имъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ тѣ, о которыхъ онъ отдаетъ отчетъ въ своей пражской статьѣ, и по содержанію своему

были слишкомъ далеки отъ того порядка историческихъ явлений, на которомъ онъ потомъ останавливалъ преимущественное вниманіе въ своихъ изслѣдованіяхъ, а въ краткой автобіографической статьѣ, составленной имъ для «Словаря профессоровъ Московскаго университета» (1855 г.), онъ самъ замѣтилъ, что за границей «онъ продолжалъ историческія занятія, разрабатывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету — отечественной исторіи». Въ Парижѣ онъ слушалъ въ 1842—1843 г. чтенія С.-Марка Жирардэна о французской драмѣ, Филар. Шаля по исторіи нѣмецкой литературы, Кинэ по исторіи древней нѣмецкой, итальянской и испанской литературы, Ампера о французской литературѣ XVII в., Россье С.-Илера о состояніи Италіи до основанія Рима, филолога Патэна о комедіяхъ Теренція, Ж. Симона о философіи, Ленормана, преемника Гизо по каѳедрѣ новой исторіи, о Евангеліи и христіанствѣ, наконецъ, Мишле, курсъ котораго, называвшійся философіей исторіи, повидимому, мало соотвѣтствовалъ своему названію. Разнообразіе этихъ курсовъ свидѣтельствуетъ о широкой любознательности молодого кандидата, посвятившаго себя изученію отечественной исторіи; но его исторические взгляды вырабатывались больше путемъ обширнаго чтенія, чѣмъ подъ вліяніемъ заграничной университетской каѳедры. Въ то время изучена была Соловьевымъ большая часть важнѣйшихъ произведеній западно-европейской исторической литературы, многочисленныя выписки изъ которыхъ онъ хранилъ въ своихъ бумагахъ. Изъ всѣхъ представителей европейской исторіографіи XIX в. никого не ставилъ онъ такъ высоко, какъ Гизо, а изъ историческихъ произведеній прошлаго столѣтія великое научное значеніе придавалъ онъ философіи исторіи Вико (*Scienza nuova*). Эти имена бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на источникъ и характеръ общихъ историческихъ воззрѣній, которые легли въ основаніе трудовъ Соловьева по русской исторіи.

Съ начала нынѣшняго вѣка европейская историческая литература стала замѣтно принимать иное направлениѣ, какое лишь изрѣдка появлялось въ ней прежде отдельными рѣкими попытками безъ взаимной связи и послѣдовательного развитія. Философски, а priori построенные схемы въ исторіи стали терять прежнюю цѣну, какъ еще раньше потеряли ее разныя историко-дидактическия построенія судебъ человѣчества. Историческій опытъ, тяжелыя и быстрыя перемѣны, часто совершенно непредвидѣнныя, какія были испытаны европейскими обществами съ конца прошедшаго столѣтія, привели къ мысли, что въ исторіи помимо той пищи, какую она доставляетъ философскому и эстетическому созерцанію, есть еще сторона болѣе важная для изученія и болѣе нужная для практическихъ потребностей настоящаго и будущаго: это — природа и дѣйствіе силъ и условій, участвующихъ въ построеніи человѣческихъ обществъ. Историческая мысль стала внимательнѣе всматриваться въ то, что можно назвать механизмомъ человѣческаго общежитія. Въ этомъ наблюденіи она пошла двумя путями, направляемая различными впечатлѣніями, какія вынесены были изъ недавняго опыта. Этотъ опытъ состоялъ изъ ряда потрясеній, совершившихся въ политической жизни обществъ и вызванныхъ борьбою и смѣной разныхъ государственныхъ порядковъ, — и чтобы найти причины столь великихъ и неожиданныхъ крушеній, одни наблюдатели обратились къ разсмотрѣнію политической конструкціи, кладки разныхъ обществъ и изученію процесса, какимъ они складывались. Но одинъ и тотъ же политическій порядокъ имѣлъ не одинаковую судьбу въ разныхъ мѣстахъ, приводилъ къ различнымъ послѣдствіямъ; порядокъ, повидимому, наиболѣе разумно проектированный и обѣщавшій прочно обеспечить человѣческое благополучіе, на иной почвѣ не принимался, портился, разрушалъ спокойствіе и благосостояніе цѣлаго общества, и уступалъ мѣсто другому, казавшемуся худшимъ, какъ будто въ дѣлѣ политическихъ

учрежденій кладка технически лучшая можетъ быть негодной на иной исторической почвѣ. И потому другіе наблюдатели сосредоточивали свое вниманіе на свойствахъ этой почвы и того материала, который изъ нея извлекался для построенія общества. Такъ задача исторического изслѣдованія раздвоилась: для однихъ предметомъ его сдѣлались преимущественно генезисъ и развитіе политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній, политика и право, для другихъ — рость національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа. Это раздвоеніе по существу своему не давало повода къ антагонизму обоихъ направленій въ исторической наукѣ: оно собственно было не болѣе какъ простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ; однакожъ это раздѣленіе иногда принималось за различіе самыхъ воззрѣній, принциповъ и вызывало борьбу.

Соловьевъ присоединился къ первой изъ этихъ школъ, если можно такъ назвать указанныя направленія, господствовавшія въ исторической литературѣ. Преемство политическихъ формъ, происхожденіе и развитіе сословнаго разчлененія общества и т. п. — таковы были предметы, на которыхъ онъ прежде и больше всего сосредоточилъ свое вниманіе, какъ только принялъся за самостоятельную обработку отечественной исторіи по окончаніи приготовительныхъ занятій. Съ такимъ взглядомъ на задачи исторического изученія возвратился онъ въ 1844 г. изъ-за границы, и присутствіе программы, построенной на такомъ взглядѣ, замѣтно уже въ содержаніи первого университетскаго курса, читанного имъ въ 1845—1846 академическомъ году. Въ подробнѣмъ «Отчетѣ о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета» за этотъ годъ читаемъ, что исправляющій должность адъюнкта магистръ Соловьевъ преподавалъ по собственнымъ запискамъ Русскую исторію студентамъ 3-го курса 1 отд. философскаго факультета и 2-го курса юридическаго по 4 часа въ недѣлю, предполагая довести свой

курсъ до новѣйшихъ временъ: «преподаватель особенно обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на родовой бытъ, господствовавшій въ древней Руси, и постепенный переходъ его въ бытъ государственный; равно обращаетъ особенное вниманіе на отношеніе между Русью московской и Русью литовской и на исторію сословій». Сверхъ того студентамъ 4-го курса философскаго факультета онъ преподавалъ по 2 часа въ недѣлю специальный курсъ, предметомъ котораго была «исторія междуцарствія». Въ отчетахъ ближайшихъ слѣдующихъ лѣтъ находимъ указанія только на содержаніе этихъ специальныхъ курсовъ: въ 1846—7 г. читана была исторія царствованія трехъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, въ 1847—8 г. исторія Петра В. и т. д. Но уже изъ отчета за первый годъ преподавательской дѣятельности Соловьевъ достаточно видны содержаніе и характеръ его другого курса, который студенты слушали прежде специального: это былъ общий обзоръ исторіи Россіи, столь памятный всѣмъ его слушавшимъ, который останавливался тамъ, откуда профессоръ въ слѣдующемъ году предполагалъ вести болѣе подробное его продолженіе. Такъ уже въ первые годы Соловьевъ установилъ тотъ порядокъ преподаванія, котораго онъ долго держался потомъ: начавъ специальное изложеніе съ эпохи, на которой прервалась «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, Соловьевъ съ каждымъ годомъ понемногу подвигался все дальше впередъ; но студентъ специально знакомился съ доставшейся ему эпохой, уже подготовленный къ тому общимъ курсомъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Содержаніемъ этого курса была именно смѣна политическихъ формъ съ объясненіемъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ одна изъ нихъ зарождалась, падала и переходила въ другую, и съ указаніемъ перемѣнъ, какія при господствѣ той или другой изъ нихъ происходили въ составѣ общества и во взаимныхъ отношеніяхъ его частей. Съ теченіемъ времени фактическія подробнѣ-

ности въ этомъ курсѣ сглаживались все болѣе, такъ что онъ превратился наконецъ въ непрерывную цѣль обобщеній, въ историко-философскую формулу политического и соціального развитія Россіи.

Тотъ же самый взглядъ на задачи исторического изученія проходитъ и по обѣимъ диссертациямъ Соловьева и послѣдовательное проведение въ нихъ этого взгляда было главной причиной сильнаго впечатлѣнія, какое онъ произвели на читающее общество. Такое генетическое изученіе формъ и отношеній государственного и общественного быта Россіи было тогда если не совершенной новостью въ нашей исторіографіи, то во всякомъ случаѣ явленіемъ, къ которому еще не привыкли, которому предшествовали слабыя попытки въ этомъ родѣ. А въ обѣихъ первыхъ книгахъ Соловьева, даже въ ихъ заглавіяхъ, какъ въ устномъ изложеніи съ университетской каѳедры, какъ потомъ въ «Исторіи Россіи» — на первомъ планѣ именно отношенія. Въ диссертациіи объ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ сдѣланы попытка объяснить соціальное происхожденіе и первоначальное устройство русскаго города древнѣйшаго времени; здѣсь же впервые высказана была мысль, которой потомъ историкъ далъ такую важную роль въ ходѣ политической исторіи Россіи — мысль о политическомъ значеніи новыхъ городовъ, возникшихъ въ сѣверной Руси XII в., среди которыхъ сложилось понятіе объ отдельной княжеской собственности, объ удѣлѣ, смѣнившее прежній порядокъ владѣльческихъ отношеній между князьями, основанный на понятіи объ общности, нераздѣльности владѣнія *). Задачей изслѣдованія было изученіе «характера новгородского народо-властиа», решеніе вопроса: «былъ ли Новгородъ республикою, въ которой развивался особый бытъ, не имѣвшій ничего общаго съ бытомъ другихъ городовъ русскихъ, отдѣл-

*) Членія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1846 г., № 1, отд. I, стр. 7—9, 16—22.

лился ли онъ своимъ бытомъ при Ярославѣ I, или отдался отъ новой Руси вмѣстѣ со старой и потомъ, оставшись одинъ представителемъ послѣдней, не могъ удержать старины и преклонился передъ городами юными?»

Тотъ же взглядъ во второй диссертациіи приложенъ къ кругу явленій нашей политической исторіи еще болѣе широкому. Въ нашей исторической литературѣ это былъ первый опытъ, имѣвшій цѣлью вывести изъ одного начала и изобразить въ видѣ непрерывнаго, послѣдовательнаго процесса рядъ формъ политическаго быта, сменявшихся въ Россіи съ половины IX до конца XVI в. Возстановляя этотъ процессъ, Соловьевъ высказался решительно противъ искусственнаго дѣленія нашей исторіи, противъ названій одного периода удѣльнымъ, другого монгольскимъ, дающихъ невѣрное понятіе о характерѣ времени или разрывающихъ естественную связь событий, «естественнное развитіе общества изъ самого себя». Книга объ отношеніяхъ русскихъ князей Рюрикова дома по основной своей мысли имѣть тѣсную внутреннюю связь съ изслѣдованиемъ о новгородскихъ отношеніяхъ, развиваетъ положенія, намѣченныя въ послѣднемъ. Въ этой книгѣ получилъ окончательную обработку фактъ, который обозначенъ былъ Соловьевымъ какъ главное содержаніе его первого университетскаго курса, — фактъ постепенного перехода родовыхъ отношеній, служившихъ первоначальнымъ основаніемъ порядка княжескаго владѣнія, въ отношенія государственные. Посредствующимъ моментомъ, черезъ который совершился этотъ переходъ отъ одного порядка къ другому, служило понятіе о княжествѣ, какъ объ отдельной собственности князя, — понятіе, происхожденіе которого объяснено было авторомъ въ изслѣдованіи о Новгородѣ и которое на его взглядѣ возникло изъ отношеній, установившихся между новыми городами сѣверной Руси и княземъ. Что вызвало государственные отношенія, спрашиваетъ изслѣдователь, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ такой